

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Михаил Басов

ЛИЧНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ

ВОЛЯ КАК ПРЕДМЕТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мастера психологии (Питер)

Михаил Басов

**Личность и профессия.
Воля как предмет
функциональной психологии**

«Питер»

2020

УДК 159.923+159.9:331
ББК 88.37+88.411.9

Басов М. Я.

Личность и профессия. Воля как предмет функциональной психологии / М. Я. Басов — «Питер», 2020 — (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-1603-4

«...Когда мы говорим о педагоге, враче, инженере, актере и т. п., нам представляются они в виде отличных друг от друга профессиональных типов; каждый имеет свое лицо, свои характерные черты, по которым мы узнаем их в жизни при первой встрече с ними. Каждая профессия имеет свой штамп». Михаил Яковлевич Басов – незаслуженно забытый психолог, заложивший основы современной психологической школы, разработчик экспериментального изучения психических функций и целостной личности.

В книгу включены две базовые работы М. Я. Басова, не потерявшие своей актуальности и на сегодняшний день. Книга будет интересна психологам, педагогам, историкам, студентам гуманитарных направлений. В формате PDF А4 сохранено издательское оформление.

УДК 159.923+159.9:331

ББК 88.37+88.411.9

ISBN 978-5-4461-1603-4

© Басов М. Я., 2020

© Питер, 2020

Содержание

Часть 1. Личность и профессия	6
Глава I	6
Глава II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Басов

**Личность и профессия. Воля как
предмет функциональной психологии**

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «Мастера психологии», 2020

Часть 1. Личность и профессия

Глава I

Вопрос о профессиональном самоопределении является одним из важнейших вопросов в жизни каждого человека; удачное или неудачное решение его в значительной мере определяет течение всей последующей жизни, весь ее строй и содержание, ее радости и горести. Вполне понятно, почему это так. Вступление в область той или иной профессии обозначает, в сущности, вступление человека в самую подлинную жизнь; определить свою профессию – это значит найти свое место в жизни, найти ту роль, выполнение которой должно составить дело всей последующей жизни. Весь период существования от рождения до вступления в исполнение определенных профессиональных обязанностей представляется как бы вторым эмбриональным периодом в жизни человека; в отличие от первого, в течение которого организм человека, будучи непосредственно связан с материнским организмом, является эмбрионом в чисто биологическом смысле этого слова, второй эмбриональный период является таковым в смысле **социальном**. В течение обоих периодов смысл существования заключается в подготовке к самостоятельной жизни путем развития и оформления наличных сил организма до возможного предела. И если по истечении первого периода наш организм приобретает известную биологическую оформленность как отдельная особь, то по истечении второго он поднимается на высшую ступень оформления в качестве **социального индивида**, занявшего свое особое место в сложной структуре общества. Таким образом, с известной точки зрения момент профессионального самоопределения человека можно назвать его вторым и, по-видимому, окончательным рождением. Этим мы хотим, главным образом, подчеркнуть исключительную важность данного момента с точки зрения жизненных интересов каждого человека, а также указать на то, что здесь тоже неизбежны свои родовые муки, заканчивающиеся не всегда одинаково благополучно.

Каждая профессия требует подготовки от человека в смысле тех или иных знаний, практических навыков и умений. При этом разные профессии, в зависимости от их характера и степени сложности, предъявляют различные требования в отношении указанных моментов, а потому и период подготовки к ним бывает различной длительности: одни профессии, наиболее простые, основу которых составляет по преимуществу элементарный физический труд, обслуживаются ничтожным минимумом практических знаний и навыками самого грубого или, во всяком случае, весьма простого свойства, причем то и другое приобретает в иных случаях не столько путем особой предварительной подготовки, сколько непосредственно в данной практической работе; другие, напротив, основываясь, главным образом, на умственном труде и притом будучи связаны с весьма сложными и тонкими операциями этого рода, требуют огромной подготовки и в смысле знаний, и в смысле практических навыков, благодаря чему и длительность подготовки в этом случае сильно возрастает. В современном классовом обществе профессии первого порядка называются низшими, а профессии второго порядка – высшими. Эта классификация, однако, не имеет ни научного, ни практического значения, так как разница между теми и другими профессиями относительная, а не абсолютная, и переходы от одних к другим могут быть весьма постепенными.

Момент профессионального самоопределения человека, таким образом, в большинстве случаев не исчерпывается одним только моментом фактического вступления в самостоятельную профессиональную деятельность; это, собственно, лишь конечная стадия данного момента, а начало его должно быть отнесено к тому времени, когда человек впервые приступает к подготовке в области той или иной профессиональной деятельности. Молодой чело-

век, окончивший общеобразовательную трудовую школу и решающий, куда ему поступить, – в технологический, медицинский, педагогический или какой-либо другой институт, вступает, таким образом, на путь профессионального самоопределения. Подросток лет 12–15, определяемый родителями из-за нужды на завод или фабрику или в качестве ученика к кустарю-одиночке, переживает, в сущности, тот же самый момент в своей жизни. Точно так же крестьянский ребенок, в раннем детстве начинающий проходить практическую школу своего отца, помогая ему в его труде земледельца, по-своему решает ту же самую задачу и в большинстве случаев остается при этом решении на всю последующую жизнь. В этих разных случаях значение периода профессионального самоопределения, его содержание, длительность, переход от подготовки к самостоятельной деятельности – все это весьма различно. Но есть в то же время и некоторый общий момент: момент подготовки предшествует вступлению в исполнение обязанностей вполне самостоятельного и законченного работника. Чтобы стать инженером, чтобы вступить в кадры этой профессии, человек должен пройти весьма длительный период подготовки, насыщенный совершенно определенным содержанием. В течение этого периода он должен приобрести массу самых разносторонних знаний и связать эти знания, хотя бы до некоторой степени, с практическим опытом. При этом школа, готовящая инженеров, самым тщательным образом следит за тем, чтобы и теоретические знания, и практический опыт были приобретены каждым будущим инженером в степени, достаточной для данной профессии, в противном случае она преграждает человеку доступ к профессии, квалифицируя его как не удовлетворяющего ее требованиям. Точно такое же положение дел имеется в профессиях врача, педагога, художников разного типа, актера и т. п.

Подготовка к профессиям низшего порядка, естественно, имеет более упрощенный характер, но так или иначе и здесь каким-то особым требованиям человек должен удовлетворять, если он хочет связать себя с какой-либо профессией. И если не специальные преграды со стороны школы встанут на его пути в случае неудовлетворения этим требованиям, то сама жизнь поставит перед ним препятствия того же рода и еще более серьезные.

Таким образом, мы как будто приходим к такому выводу, что вопрос о профессиональной пригодности человека решается как бы сам собой: или общей системой его подготовки к той или другой профессии, или же самой практической жизнью в порядке отбора годных и достаточно подготовленных. Другими словами, не человек выбирает профессию, а профессия выбирает людей, удовлетворяющих ее требованиям. Если посмотреть на положение дел объективно, то, в сущности, так оно и есть. Огромное большинство людей являются только пассивными объектами профессионального отбора, и самый этот отбор есть не что иное для этого большинства, как разновидность естественного отбора, осуществляющегося в условиях общественной жизни. С принципиальной точки зрения это положение даже не может быть иным и не знает исключений: каждый человек является естественным продуктом определенных условий, в ряду которых условия социальной среды являются важнейшими. Объективные факторы определяют всецело каждого человека во всех отношениях, причем между гением и самым последним из смертных в этом случае нет никакой разницы. Тем не менее, слепое подчинение игре стихийных сил не является тем путем, которым следует человечество в своем историческом развитии. Могущество человека на том и основано, что он может исследовать, изучить объективные факторы, лежащие в основе его жизни, и благодаря этому наиболее совершенно их использовать, в целях своего общественного и личного развития. В своих отношениях к внешней природе, т. е. в технике, и даже в своей общественной жизни (марксизм в теории и практике), как мы видим, он это и делает, достигая поразительных результатов. При всем том остается, конечно, еще много таких областей и отдельных сторон жизни, где наши современные знания недостаточны или вовсе отсутствуют; там мы и наиболее беспомощны. Всего более, вероятно, различных «тайн» и «загадок» в той области, где речь идет о самом человеке, о его собственной природе, о законах, лежащих в основе его развития. Это понятно: из всего

существующего в природе наиболее сложным и удивительным объектом является, конечно, сам человек. Познать его во всей его сущности труднее, чем все остальное из существующего, и, несомненно, здесь дольше, чем в других областях науки, многие «тайны» будут оставаться неразгаданными.

Проблема профессионального призвания или профессиональной пригодности человека является как раз одной из тех проблем, которая для научного ее разрешения ставится лишь в самое последнее время. Решение этой проблемы будет иметь самые благотворные последствия, как с точки зрения личных интересов каждого отдельного человека, так и с точки зрения интересов общества. Для личности правильное решение вопроса о своем призвании обозначает отыскание того жизненного пути, который является для нее наиболее благотворным и соответствующим ее возможностям. Для общества то же самое обозначает наилучшее применение сил своих сочленов в их деятельности, направленной к достижению общих целей. С другой стороны, отрицательные последствия неправильного решения данного вопроса в каждом отдельном случае могут быть весьма тяжелыми, коверкающими иногда всю жизнь человека; попадая на неверный путь, человек приходит в столкновение с такими жизненными задачами, для решения которых у него нет необходимых данных, вследствие чего это столкновение наносит ущерб и ему самому, и тому делу, которому он оказался вынужденным служить. Мало того, попав раз на неверный путь, человек часто остается на нем всю жизнь и, таким образом, навсегда лишается возможности применить к делу те свои силы, которые у него наиболее мощны, которые составляют лучшую сторону в его одаренности. Так погибают таланты, может быть, богатейшие по своим внутренним возможностям, вовсе не увидев света. Можно было бы сказать, что родовые муки профессионального самоопределения в этих случаях кончаются трагическим смертельным исходом или приводят к тяжелому уродству. Нередки такие явления, когда процесс мучителен по своей длительности и по бесплодно затрачиваемым усилиям, хотя в конце концов и приводит, по-видимому, к благополучным результатам. Сплошь и рядом бывает так, что молодой человек несколько раз изменяет направление линии своего профессионального развития, пока, наконец, попадает на такое, на котором он навсегда остается и которое иногда даже оказывается, по-видимому, наиболее подходящим для него. В этом отношении молодежь, проходящая высшую профессиональную школу, дает наиболее характерные материалы. Ввиду сложности профессий высшего порядка и большей их ответственности в общественной жизни линии отдельных профессий здесь как бы резче расходятся между собой, а потому всякая ошибка в выборе пути здесь является более вредной, чем в профессиях низших или средних. Переходы с одного факультета на другой или из одного вуза в другой, как известно, весьма частые явления. Если бы в этом отношении не ставилось никаких ограничений, они были бы, вероятно, еще более часты. Напрасная потеря времени, потеря сил в таких случаях очевидны. Но ошибочно было бы думать, что во всех тех случаях, когда студент остается до конца на том профессиональном пути, который он однажды избрал, задача профессионального самоопределения решается всегда вполне благополучно. В действительности, конечно, это далеко не так. Не следует забывать, что изменить путь, перейти на другой, особенно после того, как были сделаны первые шаги и затрачены известные силы, тоже не так-то легко, не всегда и не всякий это может сделать. И среди студенчества не редкость такие случаи, когда факультет или вуз не меняется только потому, что для этого не хватает сил, жаль потерянного времени, не хочется начинать сначала и т. п. Человек чувствует в таких случаях, что попал не на свою дорогу, но, скрепя сердце и примирившись с судьбой, продолжает идти по ней до конца. Весьма вероятно, что значительная часть из тех неусидчивых, которые неоднократно меняют один вуз на другой, относится к сильным по природе личностям, которые не могут легко примириться с тем, что их не удовлетворяет, и упорно ищут своего.

Здесь уместно вспомнить биографию Льва Толстого и из его «Детство, отрочество и юность» о том, как Николенька Иртеньев поступал в университет на математический факуль-

тет. Как известно, основания для выбора факультета были в этом случае более чем шаткие. Рассказывая о них, Толстой в одном месте говорит так: «Володя на днях поступает в университет, учителя уже ходят к нему отдельно, и я с завистью и невольным уважением слушаю, как он, бойко постукивая мелом о черную доску, толкует о функциях, синусах, координатах и т. п., которые кажутся мне выражениями недостижимой премудрости». Затем в другом месте: «До поступления в университет мне остается уже только несколько месяцев. Я учусь хорошо... Я готовлюсь на математический факультет, и выбор этот, по правде сказать, сделан мной единственно потому, что слова синусы, тангенсы, дифференциалы, интегралы и т. д. чрезвычайно нравятся мне». Выбор этот, как известно, оказался неудачным: провалившись в конце года на экзаменах, Николенька не мог перейти на 2-й курс, что доставило ему большое огорчение и заставило думать о перемене математической карьеры на карьеру военного; отец же и брат должны были убеждать Николеньку, что в его беде, в сущности, нет ничего ужасного и он может поправить ее, перейдя на другой факультет.

Вся биография Толстого вообще поучительна с точки зрения поиска призвания ввиду многочисленности и разнообразия испробованных путей. Сначала это просто светский франт, затем офицер, сельский хозяин, педагог, художник-литератор, философ-моралист. Конечно, этот пример не есть пример для нашей современной молодежи. Это картины хотя и недавнего, но все же весьма далекого прошлого, чуждого той молодежи, которая заполняет теперь наши вузы. Тем не менее, в основном они сохраняют и по сей час свое значение: твердых оснований для правильного выбора пути для молодого человека, оказавшегося на распутье, и теперь не больше, чем было тогда.

Однако факты перемены профессии имеют место, конечно, не только в области высших профессий, но распространяются и на все остальные профессии. Когда вопросы профессионального отбора и профессионального призвания решаются вслепую, без учета объективных факторов, лежащих в их основе, всегда и всюду неизбежны случаи, когда произведенный отбор или выбор окажется неудачным, и человек будет поставлен в необходимость решать тот же вопрос снова. Для нас представляют поэтому интерес статистические данные по вопросу о перемене профессий, так как по ним можно судить, насколько это явление имеет серьезное значение. К сожалению, статистика по данному вопросу в настоящее время мало разработана. Известны официальные данные «Профессиональной статистики по результатам народной переписи от 31 декабря 1910 года в Австрии»¹. Согласно этим данным, из каждых 10 000 лиц всего населения – 931 лицо начали заниматься той профессией, в которой их застала перепись, в течение последних 3-х лет, т. е. начиная с 1907 г., что дает 9,31 % за весь период или около 3,1 % за каждый год. К недостаткам этих данных относится то, что они распространяются также на лиц, не имеющих профессии (например детей, стариков, безработных). Интересно отметить, что эти данные незначительны по отношению к полу. Из 10 000 мужчин 1136 начали заниматься профессией, в которой их застала перепись 31 декабря 1910 г., в период времени с 1907 г.; из 10 000 женщин лиц этой категории – 734. Другими словами, перемена профессии у мужчин происходит чаще, чем у женщин. Значение этого факта можно толковать различно, по сам он представляется бесспорным. Не менее интересна связь частоты перемен профессий с возрастом, как она устанавливается из тех же данных. Общую картину в этом отношении представляет таблица 1.

Таблица 1

¹ Цит. по: *Отто Липман. Выбор профессии.* М.: Мысль, 1923. С. 8.

Возраст (в годах)	Количество лиц на каждые 10 000 населения, которые, имея определенную профес- сию до 1907 г., в 1910 г. имели другую профессию, нежели в 1907 г.	Количество лиц на каждые 10 000 населения, которые, в период от 1907 до 1910 г. приобрели профессию впервые или, напротив, потеряли ее вовсе
0–15	264	648
13–20	1027	1420
18–25	682	311
23–30	661	150
28–35	483	73
33–40	367	50
38–45	307	39
43–50	287	35
48–55	314	37
53–60	368	66
58–65	419	45
63–70	406	92
более 67 лет	338	39

Как видно из таблицы, критическим периодом с точки зрения профессионального самообразования является период от 13 до 20 лет; на этот период падает наибольшее количество первых поступлений на службу, а также и перемен профессии.

Аналогичные данные собирало берлинское «Общество Социальной Политики» среди рабочих различных отраслей крупной промышленности. Оказалось, что у 1157 опрошенных лиц в течение 16-летнего в среднем периода произошло 775 перемен профессий, т. е. на 100 человек ежегодно приходится 4,2 перемены (по Липману). Взятые в связи с возрастом эти данные показывают следующее:

на каждых 100 трудящихся в возрасте между:			
14 и 20	годами приходится ежегодно около	15	перемен профессий
21 и 30		5	
31 и 70		1	

Нельзя, конечно, думать, что все случаи перемен профессий могут быть отнесены за счет неудачного решения вопроса о профессиональном самоопределении, неудачного выбора или отбора. Немаловажное значение здесь имеют изменения конъюнктуры рабочего рынка и вызываемые этим увольнение от службы и прием на службу, а также и другие разнообразные фак-

торы. Но все же фактор пригодности к профессии и связанная с этим в известной степени удовлетворенность или неудовлетворенность избранной профессией едва ли имеет не наибольшее значение. Самый факт наибольшего количества перемен профессии в возрасте от 13 до 20 лет говорит как будто за это, так как другие факторы по отношению к возрасту имеют более или менее одинаковое значение, тогда как данный с наибольшей силой должен проявиться именно в этот период, когда человек начинает большей частью впервые пробовать всерьез свои силы на разных профессиональных путях.

Не будем больше останавливаться на общих соображениях. Полагаем, что сказанным в достаточной степени уясняется важность проблемы профессионального отбора и значение ее для каждого человека. Гораздо труднее выяснить объективные условия, в зависимости от которых должно находиться ее решение в каждом отдельном случае. Но в этом, очевидно, и заключается самая сущность данной проблемы. Перейдем к рассмотрению этих условий.

Глава II

Задача, которую нам приходится сейчас решать, представляет собой своеобразное уравнение с двумя неизвестными. Решение этого уравнения сводится, в конце концов, к определению соответствующими способами обоих неизвестных, после чего результат решения выявляется сам собой. Первым неизвестным является **профессия**, как определенный род занятий, предъявляющий к работнику ряд специальных требований, имеющих существенное значение для успешности результатов этих занятий. Вторым неизвестным является **сам человек как рабочая сила**, обладающая определенными качествами, обуславливающими, а равно и ограничивающими ее пригодность для той или иной специальной деятельности. Перед нами данное уравнение стоит сейчас в общей, алгебраической форме; в жизни же оно имеет всегда конкретное, так сказать арифметическое значение, когда идет речь об определенных людях и определенных профессиях. Перейдем к исследованию возможных значений первого неизвестного – профессии.

Каждый рабочий процесс, совершенно независимо от его содержания и от степени сложности, представляет собой больший или меньший ряд проявлений различных функций нашего организма. Работая, выполняя то или другое задание, человек всегда выявляет свою активность в различных формах. В одних случаях функции, на которые опирается рабочий процесс, или формы активности, в которых он выявляется, могут быть одни, в других – другие. В одних случаях функциональный состав или структура рабочего процесса может быть сложной, в других – простой. Поясним это примерами. Рабочий процесс человека, поющего какую-либо арию, отличен от рабочего процесса того же человека, занятого бегом на коньках, по функциональному составу. В одном случае процесс опирается на голосовой аппарат и чувство слуха, а в другом главным образом на мускульный аппарат ног, на координацию их движений. Если мы сравним, далее, работу конькобежца с работой человека, решающего сложную математическую задачу, или пишущего сочинение на определенную тему, или конструирующего модель какого-либо нового аппарата и т. п., то в этот раз разница будет очевидна также и в отношении функциональной сложности сравниваемых процессов. Другими словами, разные рабочие процессы захватывают личность, во-первых, с разных сторон, во-вторых, с различной степенью ее охвата.

Сказанное относится к любому процессу деятельности. Легко, однако, понять, какое это должно иметь значение при изучении профессий с точки зрения специальных требований, какие они предъявляют к работнику. Каждая профессия имеет в своей основе определенный рабочий процесс, как нечто постоянное в ее структуре и наиболее характерное ее качество. Другими словами, каждая профессия в основе своей опирается на определенный функциональный аппарат личности, который всегда приводится в действие в тот момент, когда личность вступает в русло своих профессиональных обязанностей. Нетрудно понять, на чем основано это постоянство функциональной структуры профессий; оно всецело вытекает из того объективного начала, которое составляют содержание данной профессиональной деятельности и фактические условия ее осуществления. При одном и том же содержании сохраняется, кроме того, одна и та же постоянная конечная цель деятельности. Благодаря этому и устанавливается как бы некоторое устойчивое русло, по которому рабочий процесс течет постоянно.

С развитием техники и средств производства содержание профессиональной деятельности и все объективные условия ее осуществления могут сильно изменяться, хотя профессия остается как будто одной и той же. Разумеется, что и функциональная структура основного рабочего процесса в такой профессии радикально меняется. Так, например, с развитием машинного фабричного производства ручной ткацкий станок уступил свое место технически более совершенной машине. Ясно, что содержание работы ткача и все ее объективные условия изменились благодаря этому в сильной степени, а вследствие того неизбежно изменилась

и функциональная структура основного рабочего процесса данной профессии. Иногда подобные изменения вносят в условия работы лишь частичные поправки или усложнения; тогда и структура процесса подвергается лишь соответственным частичным изменениям.

Таким образом, под профессией при ее анализе надо разумеать не что-то отвлеченное, всегда себе равное и неизменное, а нечто вполне конкретное, связанное с определенными объективными моментами и в процессе развития общественной жизни развивающееся, так сказать, на общих основаниях.

В отношении многих высших профессий дело представляется, однако, еще более сложным.

Содержание деятельности, объективные условия ее осуществления, ее общая цель здесь как будто не всегда обуславливают один строго определенный путь рабочего процесса. Благодаря сложности содержания и разнообразию условий, а также, может быть, и благодаря свойствам личности, поднявшейся до уровня деятельности высшего порядка, здесь возможны случаи, когда одна и та же цель при одних объективных условиях достигается разными путями. Поясним это примером.

Представим себе работу педагога. Предположим, что мы имеем дело с педагогом-математиком. Итак, перед нами школьные занятия по математике и даже еще более частный случай – занятия по элементарной арифметике в младших классах школы 1-й ступени. Если мы живо представим себе картину обычного классного урока этого рода, то, несомненно, мы усмотрим в ней нечто типичное, устойчивое, что характерно для этих занятий, где бы мы их ни наблюдали. Если эту картинку какими-либо способами зафиксировать во всей ее полноте, как фиксируются теперь иногда рабочие процессы более простого строения, а затем проанализировать, то, несомненно, обнаружилась бы вполне определенная функциональная структура занятия, причем не только в отношении педагога, но и учащихся (работа последних может быть рассматриваема, как и всякий другой род деятельности). Мало того, если наряду с обычными уроками по арифметике представить себе столь же типичную картину уроков русского языка, или рисования, или физкультуры и т. д., то в глаза сразу бросится резкая разница в функциональном строении этих различных школьных занятий. Эта разница, несомненно, того же происхождения, что разница между работой певца и работой конькобежца, т. е. она связана с объективным содержанием и всеми условиями этих деятельностей. Занятия арифметикой имеют свое конкретное содержание (числа, действия над ними, задачи и т. п.) и свои цели, а занятия рисованием совсем другие – и содержание, и цели. Поэтому и получается так, что как педагог, так и учащиеся на занятиях арифметикой **живут одними функциями**, а на занятиях рисованием – совсем другими.

Все это как будто вполне понятно и никаких сомнений вызывать не может. Тем не менее, если в сущность дела вникнуть глубже, то окажется, что оно много сложнее, чем мы представили его сейчас, что в своих рассуждениях мы упростили его. Хорошо известно, что урок на одну и ту же тему при одинаковой цели можно построить не по одному только какому-либо плану, а по нескольким различным планам, и каждый учитель останавливается на том плане, который кажется ему почему-либо лучшим. Мало того, методы всей работы по одному и тому же предмету могут быть совершенно различными. Наряду с тем обычным классным уроком по арифметике, который мы имели в виду до сих пор, с уроком, характерным для нашей старой школы учебы, на котором учитель учит, а ученики учатся, перенимая от учителя то, что он им предлагает, представим себе занятия по тому же предмету, но проводимые методами, основанными на активности и самостоятельности учащихся, когда учащиеся учатся сами, подходя к каждому вопросу исследовательски, а роль педагога радикально меняется (причем эта роль при такой организации занятий в настоящее время еще не установилась в достаточной мере и на практике проводится различно). Содержание занятий в обоих этих случаях одно и то же, арифметика остается арифметикой, но совершенно очевидно, что весь процесс работы как педа-

гога, так и учащихся совершенно различен, его функциональная структура резко нарушена от изменения метода работы. Правда, здесь мы можем признать, что такое изменение в функциональной структуре рабочего процесса аналогично тому изменению, которое в работе ткача наступает при замене ручного станка фабричной машиной. Здесь тоже есть известное усовершенствование и изменение условий работы при единстве содержания ее; и если там подобные изменения функциональной структуры рабочего процесса не мешали все же говорить об определенной устойчивости профессионального рабочего процесса, то можно думать, что и здесь положение дела таково же. Однако это все-таки не совсем так. Данная параллель будет правильна в случаях резкой, так сказать, революционной перемены в характере деятельности, когда меняется лицо всей профессии для всех одинаково очевидным образом. Так, на наших глазах в настоящее время переживает такой революционный переворот профессия педагога, причем революционный процесс лишь только разгорается и новое лицо профессии еще далеко не определилось в своих наглядных очертаниях. Мы видим только направление, в котором развивается этот процесс, представляется также конечная цель, к которой он устремляется: учитель в старом, знакомом смысле этого слова превращается в педагога-исследователя, организующего педагогический процесс на основе исследовательского отношения к личности учащегося, развивающейся в условиях свободной, творческой деятельности.

Но помимо и независимо от таких глубоких превращений и в те периоды, когда лицо профессии вполне устойчиво выражено в своих очертаниях, когда можно говорить о **профессиональном типе**, имеющем в основе характерный для него и устойчивый рабочий процесс, и тогда все же в такой профессии, как профессия педагога, возможны вариации функциональной структуры, связанные в общем с тем, что называется методом работы. Самое это понятие «метода работы» указывает на то, что в условиях одного и того же содержания при одной целевой установке можно идти к цели различными путями, а в зависимости от этого и весь характер работы изменяется. Когда мы представляем себе рабочий процесс ткача, то совершенно безразлично, будет ли он ткать на ручном станке или на фабричной машине, процесс работы его представляется в том и другом случае протекающим в строгих жестких рамках, всегда одинаковым образом, и сколько бы мы ни меняли ткачей, процесс сохраняет свой устойчивый, однозначный характер. Здесь нет ничего аналогичного «методу» работы; можно было бы сказать, что здесь есть один определенный метод, который строго задан содержанием работы и условиями ее и которому следует каждый ткач.

В действительности такое представление тоже схематично и потому не совсем правильно. И в работе ткачей имеет место то, что можно назвать индивидуальными особенностями в приемах работы; эти особенности отличают работу одного ткача от работы другого, внося некоторое осложнение в функциональную структуру рабочего процесса. Но эти индивидуальные особенности или вариации здесь, несомненно, не так резко проявляются и не нарушают однозначного характера основного типа рабочего процесса. В работе педагога в такой же степени определенной и вполне очевидной однозначности нет. Нам трудно отчетливо представить себе структуру рабочего процесса педагога также ввиду ее большой сложности, но вместе с тем не подлежит сомнению и то, что грани процесса здесь не так резко очерчены, местами они расплывчаты, местами изменяются в зависимости от индивидуальности работника. Здесь чувствуется большая зависимость характера работы от индивидуальности работника, от его инициативы, изобретательности, творчества. Поэтому иногда даже говорят, что на этих высших ступенях деятельности человек как бы сам создает тип своей работы, а потому такой устойчивости и однозначности единого основного типа, как это есть в низших профессиях, здесь быть не может.

Мы, однако, не должны преувеличивать значение известных явлений, отдавая им должное. В действительности разница между высшими и низшими профессиями в указанном отношении не есть какая-либо большая принципиальная разница, делающая их несравнимыми. То,

что в работе педагога и в других высших профессиях нам кажется сейчас таким особенным, резко отличным по своему характеру от работы низшего типа, вырастает из того зерна индивидуальных особенностей в приемах работы, которые мы должны были признать и в работе ткача. Разница заключается лишь в том, что здесь эти особенности раскинуты шире, они разнообразнее и многочисленнее и в более сильной степени осложняют собой основной тип рабочего процесса, т. е. эта разница количественная, разница в степени. Здесь шире размах индивидуальных вариаций, больше простора для инициативы, изобретательности и творчества. Вследствие этого функциональная структура основного профессионального процесса здесь несравненно сложнее; мало того, она, может быть, даже должна быть представлена не в одном варианте, а в нескольких, учитывающих различные конкретные моменты деятельности. Но при всем том эта структура как нечто определенное, устойчивое, как скелет профессии, несомненно, и здесь имеется и при разрешении проблемы профессиональной пригодности должна быть учитываема так же, как во всех других случаях.

Как ни велико значение этих индивидуальных моментов, все же, когда мы говорим о педагоге, враче, инженере, художнике, актере и т. п., нам представляются они в виде отличных друг от друга **профессиональных типов**, каждый из них имеет свое лицо, свои характерные черты, по которым мы узнаем их в жизни при первой встрече с ними. Каждая профессия имеет свой штамп. Этот штамп у одних профессий простой, незатейливый, а у других сложный, вычурный, со множеством деталей: при одном основном штампе профессия может иметь еще несколько дополнительных частных штампов, например, в профессии инженера такие частные штампы могут быть связаны с делением инженеров по специальности, но при всем том этот штамп, как нечто определенное, постоянное и специфическое, все же у каждой установившейся профессии существует.

Заговорив о «профессиональных типах» и «профессиональных штампах», мы должны отметить, что они обуславливаются, конечно, не только функциональной структурой основного рабочего процесса каждой данной профессии, но и другими условиями, например, условиями профессиональной жизни, средой и проч.; тем не менее функциональная структура работы должна быть признана главным фактором, обуславливающим лицо профессии и ее общий характер. Поэтому практические следствия в отношении профессионального отбора вытекают прежде всего и главным образом из этого основного фактора.

То, что мы только что установили, исходя из анализа деятельности педагога, может быть распространено на все профессии высшего типа. Метод работы имеет место и в деятельности врача, а также инженера, агронома и т. д. Вместе с этим всюду создаются условия для творческой инициативы и изобретательности. Следует иметь также в виду, что многие из высших профессий усложняются в связи с различной специализацией внутри каждой профессии. Уже упоминалось об инженере; эта профессия в ее современном виде связана с длинным рядом различных специализаций, из которых каждая характеризуется своими особенностями и предъявляет к человеку особые требования. То же самое относится к врачу. Врач-хирург и врач-психиатр – оба врача и имеют, несомненно, нечто общее в своей деятельности, но вместе с тем они различны, причем различия в их профессиональной деятельности едва ли не очевиднее, чем то, что их связывает друг с другом родственными связями. Профессии педагога не чужды те же самые явления, хотя здесь они представляются, может быть, в несколько ином свете. Здесь также могут быть особенности в связи со специализацией по предмету образования: педагог-математик, педагог по языку, по искусствам и т. д. имеют свои специфические особенности. Но кроме того, особенности профессии здесь могут находиться в связи не с предметом преподавания, а с другими условиями, например с возрастом учащихся, причем в этом случае первый ряд особенностей может сохранять свое значение также, или же, напротив, он отпадает. Педагог-дошкольник, педагог школьного типа и педагог, ведущий работу со взрослыми, имеют свои характерные профессиональные особенности, причем для дошкольников специ-

ализация по учебным предметам не имеет значения (по крайней мере в отношении основной части работы; и здесь могут быть специалисты по некоторым отраслям работы, например, по музыке, ритмике и проч., но это исключения, а не правило), тогда как для педагогов двух остальных категорий она остается обязательной (исключая, впрочем, элементарного обучения взрослых в школах по ликвидации безграмотности).

Аналогичную дифференциацию можно найти и в других профессиях – агрономов, художников, актеров, военных и т. д. Важно заметить, что эта дифференциация не разрушает все же единства профессии, ее общего типа. Все разветвления образуются как бы на некотором общем стволе, который несет на себе эти ветви и составляет основу всего профессионального дерева. Но подобно тому, как бывают такие деревья, строение которых таково, что ствол у них трудно выделить среди ветвей и главные ветви имеют как будто самостоятельное существование, так и в профессиях дифференциация может заходить иногда так глубоко и далеко, что общая структура профессии тоже приобретает как бы кустообразный характер. В таких случаях элементы общепрофессионального значения, связующие отдельные отрасли профессии в нечто единое, во-первых, уменьшаются в числе, а во-вторых, и по своему значению являются наиболее общими.

Отсюда может быть намечен переход к еще более широким и общим профессиональным категориям, объединяющим целые группы родственных профессий или, вернее, отдельные родственные стороны различных профессий. Так, например, жизнь выработала такие общие понятия, как «хозяйственники», «организаторы», «администраторы» и т. п. Если вникнуть в эти понятия, то нельзя не заметить, что они лишены узкого профессионального значения и сами по себе не обозначают каких-либо определенных профессий. Это именно более широкие и более общие профессиональные категории. Среди «хозяйственников» могут быть и кооператоры, и инженеры, и лесоводы и т. д., но мы не можем соотнести это понятие ни к художникам, ни к актерам. Точно так же «организаторы» могут быть соотнесены к целому ряду различных профессий, хотя и не ко всем в одинаковой степени, а к некоторым, может быть, не применимы и вовсе; например, едва ли можно установить какую-либо связь между комплексом, мыслимым в понятии «организатор», и профессией певца. Чем шире объединение и чем более общая категория, тем отвлеченнее соответствующие понятия. Уже самые понятия профессий: инженер, педагог, врач и т. д. – являются в известной мере отвлеченными понятиями, но здесь конкретность содержания еще так велика и так бьет в глаза, что отвлеченные элементы уясняются лишь тогда, когда мы вдумаемся в сущность этих понятий. Напротив, когда говорят о «хозяйственниках», об «организаторах», «администраторах» и т. п., рисуются образы более общего значения, менее насыщенные конкретным содержанием. Здесь, скорее, отвлеченность выступает с полной очевидностью, а конкретность уясняется при более внимательном всматривании в природу понятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.